

Он увидел, как вдали содрогнулось и упало первое дерево. Потом сквозь кухонное окно услышал зов матери:

— Люк! Домой. Сейчас же.

Если приказывали прятаться, он всегда слушался. Даже когда был совсем крохой. С трудом переступая в бурьяне на заднем дворе, он уже каким-то образом улавливал страх в материнском голосе. Но в этот день, когда начали уничтожать лес,

Люк замешкался, глотнул свежего воздуха с ароматом клевера, жимолости и доносящегося издали дыма от горящих сосен, осторожно положил мотыгу и, с наслаждением ощутив под босыми ногами тёплую землю, напомнил себе: «Больше меня не выпустят. Может, до самой смерти».

И, повернувшись, безмолвно, словно тень, зашагал к дому.

— Почему? — спросил он в тот вечер за ужином.

В семье Гарнер редко задавали такой вопрос. Зато часто спрашивали «как»: «*Как там с дождями на дальнем поле? Как посевы?*»

Ещё спрашивали «что» или «зачем»: «*Зачем Мэтью гаечный ключ пять на шестнадцать? Что папа будет делать с лопнувшей шиной?*»

Но спрашивать «почему» было без толку.

— Почему вам пришлось продать лес? — снова спросил Люк.

Отец недовольно хмыкнул, и его рука, держащая вилку с варёной картошкой, застыла на полпути к цели.

— Я же тебе говорил. У нас нет выбора: это нужно правительству. А ему не откажешь.

Мать подошла к Люку и, прежде чем вернуться к плите, успокаивающе сжала его плечо. Однажды родители уже пошли наперекор правительству, как раз из-за младшего сына. На этот шаг ушёл весь их мятежный дух. А то и больше.

— Мы бы не продали лес, будь у нас выбор, — черпая половником густой томатный суп, ответила мать. — Здесь будут строить дома, а нашего мнения на этот счёт никто не спрашивал.

Поджав губы, она расставила на столе тарелки с супом.

— Но не правительство же поселится в этих домах, — возразил Люк.

В свои двенадцать он уже знал, как устроен мир, но иногда всё ещё представлял правительство злым и жадным

толстяком, в два или три раза выше обычного мужчины, орущим на людей: «Запретить!» и «Прекратить!». А всё из-за разговоров родителей и старших братьев:

— Правительство ни за что не разрешит нам сеять кукурузу. Правительство снижает цены. Правительству этот урожай не понравится.

— Может, в этих домах поселят и государственных служащих, — пояснила мать. — Там будут жить городские.

Разрешили бы, и Люк высунулся бы из кухонного окна и глядел на лес, в сотый раз пытаясь представить ряды домов там, где стоят ели, дубы и клёны. То есть стояли... После беглого осмотра как раз перед ужином он понял, что половину деревьев вырубili. Некоторые уже лежали на земле, другие повисли под причудливыми углами к быломu величественному стремлению в небеса. С их исчезновением пейзаж изменился подобно тому, как новая стрижка об-

нажает на лбу полоску незагоревшей кожи. Даже из глубины кухни было заметно, что леса больше нет, потому что всё вокруг вдруг стало ярче, открытее. Страшнее.

— А потом, когда эти люди вселятся, мне даже к окну нельзя будет подойти? — спросил Люк, хотя предполагал ответ.

От вопроса отец вышел из себя и жакнул кулаком по столу:

— Потом? Да тебе и сейчас нельзя высовываться! Вокруг рыщут все кому не лень, вынюхивают что да как. А стоит им тебя увидеть...

Он неистово взмахнул вилкой. Люк точно не знал, что означает этот жест, но ничего хорошего ожидать не приходилось.

Никто никогда не рассказывал, что может случиться, если вдруг его заметят. Смерть? Смерть наступала, когда самых маленьких поросят затапывали их крепкие братья и сёстры. Или когда умол-

кала настигнутая мухобойкой муха. Ему страшно было представить в такой ситуации себя, как раздавленную муху или дохлого поросёнка, застывших на солнце. При первой же попытке подступала тошнота.

— Это что же, теперь нам за него пахать? Нечестно, — пробурчал второй брат, Марк. — Разве Люку нельзя иногда выходить? Хотя бы ночью?

Люк с надеждой ждал ответа. Но отец, не поднимая глаз, просто бросил:

— Нет.

— Так нечестно, — повторил Марк.

Марк был вторым сыном... «Везёт же некоторым», — думал Люк, жалея самого себя. Марк был на два года старше Люка и всего лишь на год моложе Мэтью. Старшие братья, Мэтью и Марк, были очень похожи друг на друга: оба темно-волосые, с точёными чертами лица. Люк был посветлее, тоньше в кости, более хрупкий и нежный. Он частенько задумывался, станет ли когда-нибудь таким

же крепьшом, как братья, но почему-то сомневался.

— От Люка всё равно толку мало. Так что не заметишь, работает он или нет, — насмешливо заметил Мэтью.

— Я не виноват! Помогал бы больше, если бы... — запротестовал Люк.

— А ну, тихо, — шикнула на них мать, положив ему руки на плечи. — Люк будет делать то, что ему по силам. Впрочем, как всегда.

Сквозь открытое окно донеслось шуршание шин по засыпанной гравием подъездной дорожке.

— Ну, кого там... — начал отец.

Продолжение Люк хорошо знал: «Кого там ещё несёт? Да что ж ему покоя не дадут... только присел!»

Конец вопроса Люк всегда слышал уже по другую сторону двери. И сегодня, напуганный вырубкой леса, он ринулся к чёрному ходу и шустрее обычного вскарабкался по лестнице к себе наверх. Он не глядя знал, что мать уберёт со стола

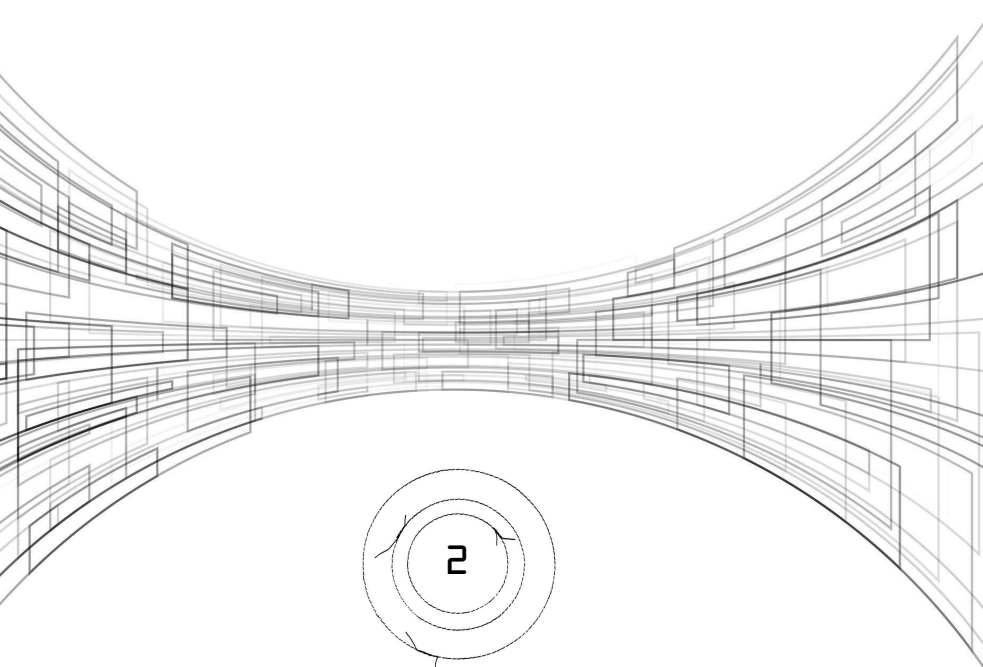

Среди «призраков»

его тарелку и спрячет в буфет, а стул отодвинет в угол кухни, словно он там так, на всякий случай. В три секунды она заметёт все следы младшего сына и вовремя с утомлённой улыбкой шагнёт к двери встречать продавца удобрений, представителя власти или кого бог послал нарушить семейный ужин.

Люк был вне закона. Не то чтобы лично, а вместе с другими, ему подобными, кто родился после того, как в семье уже росло двое детей.

Вообще-то Люк не знал, есть ли ещё такие же, как он. Он не должен был появиться на свет. Может, он такой единственный? После рождения второго ребёнка женщинам проводили какую-то процедуру, чтобы детей у них больше не было.